

Н.В. РАБОТЯЖЕВ
«НОВАЯ» И «СТАРАЯ» СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ
В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Известный немецкий социолог Ральф Дарендорф назвал XX столетие «социал-демократическим веком» [Dahrendorf, 1983, S. 16]. Действительно, в прошлом веке социал-демократия оказала заметное воздействие на формирование облика западного общества. Она немало сделала для «очеловечения» свободно-рыночного капитализма, внесения в него элементов регулирования и социального партнерства, уменьшения социального неравенства, создания государства всеобщего благосостояния, социальной интеграции индустриальных рабочих. Однако в последней четверти XX столетия для этого политического течения наступили нелегкие времена. Кризис, который переживала тогда социал-демократия, дал основание некоторым исследователям прогнозировать даже ее закат, — хотя, как показали последующие события, социал-демократия смогла не только выжить, но и более или менее успешно адаптироваться к новым реалиям. Под влиянием кризиса в социал-демократическом движении развернулись процессы обновления, началось переосмысление идейно-теоретического багажа, поиски новой идентичности социал-демократии. О том, какие изменения произошли в мировоззрении и практической политике европейских социал-демократических партий в конце XX — начале XXI в., рассказывает предлагаемая вниманию читателей статья.

Кризис европейской социал-демократии и первые попытки обновления

Кризис социал-демократии в 80–90-е годы прошлого века был вызван целым рядом социальных и экономических факторов. По мере превращения западного общества из индустриального в постиндустриальное в социальной структуре европейских стран сокращалась доля традиционного рабочего класса – важнейшей социальной и электоральной опоры социал-демократии, в то время как численность новых средних слоев быстро возрастала. Крупные предприятия с большим числом занятых и конвейерной системой все больше вытеснялись мелкими и средними фирмами «новой экономики», что вело к ослаблению позиций профсоюзов (которые были наиболее сильны именно в оказавшихся в состоянии кризиса традиционных отраслях промышленности) и размыванию социал-демократической политической культуры. Все большее распространение получал «новый индивидуализм», который с трудом совмещался с «традиционной социал-демократическо-профсоюзной ориентацией на коллективную организацию и всеохватывающее влияние социального государства» [Поттхофф, Миллер, 2003, с. 394]. Западное общество становилось все более фрагментированным и индивидуализированным, в нем появлялось множество референтных групп, на фоне чего происходило ослабление партийной идентификации избирателей. У части молодого поколения приобрела популярность постматериалистическая ценностная ориентация, не вписывавшаяся в традиционные «коллективистские» и «материалистические» установки левого движения.

Кроме того, определенные негативные последствия для европейской социал-демократии имело крушение коммунистических режимов в странах Центральной и Восточной Европы и СССР в 1989–1991 гг. Сами социал-демократы расценили те события как победу демократического социализма над диктаторским коммунизмом. Однако, как вскоре выяснилось, крах советского блока нанес чувствительный удар по левой идее вообще.

Кризисные явления коснулись и главного достижения социал-демократов – государства всеобщего благосостояния. Регулирование хозяйственных процессов посредством кейнсианского инструментария (включающего высокие налоги и масштабное перераспределение средств через госбюджет) вело постепенно к бюрократиза-

ции и регламентации экономики, ослаблению ее динамизма, росту иждивенческих настроений. Раздувшийся бюрократический аппарат социального государства, отмечал британский социолог Энтони Гидденс, становился все более жестким и обезличенным, зависимость от вспомоществований стала реальным, а не придуманным неолибералами явлением [см.: Любин, 1998, с. 101]. Растущие социальные расходы имели следствием бюджетный дефицит и инфляцию, а высокие налоги на корпорации замедляли экономический рост. Кроме того, кейнсианская социоэкономическая модель во многом не соответствовала эпохе информационно-компьютерных технологий и императивам «новой экономики», требующей от субъектов рынка прежде всего гибкости, инициативы, готовности к риску.

С другой стороны, возможности социального государства были поставлены под вопрос процессом глобализации. Дело в том, что предлагаемые социал-демократами некейнсианские меры экономического регулирования могли эффективно проводиться в жизнь только на национальном уровне. В условиях глобализации, когда национальное государство может все меньше влиять на процентные и налоговые ставки, некейнсианская модель макроэкономического регулирования начинает давать сбой. Помимо того, процессы глобализации подталкивают правительства к ограничению функций государства благосостояния. Обострение международной конкуренции делает практически невозможным сохранение тех социальных гарантий, которые оно ранее обеспечивало населению, поскольку высокие налоги, за счет которых финансировались социальные программы, подрывают конкурентоспособность национального бизнеса. С другой стороны, ослабление контроля национального государства над экономикой страны ведет к тому, что экономическая и социальная сферы все более попадают под влияние господствующих на глобальном уровне свободно-рыночных отношений и транснациональных компаний. К этому нужно добавить, что ТНК легко могут переводить производство из стран с высокими социальными стандартами в страны с дешевой рабочей силой и более привлекательным налоговым режимом.

Перечисленные явления повлекли за собой в 1980–1990-е годы кризис социал-демократического движения (проявившийся также и в кризисе его идентичности). В то время социал-демократия понесла значительные электоральные потери, причем две

ведущие социал-демократические партии Западной Европы – Лейбористская партия Великобритании (ЛПВ) и Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) – долгое время находились в оппозиции (ЛПВ с 1979 по 1997 г., СДПГ с 1982 по 1998 г.). Те же социалисты, которым в 1980-е годы удалось добиться электоральных успехов (Ф. Гонсалес в Испании, А. Папандреу в Греции, Б. Кракси в Италии и Ф. Миттеран во Франции), «могли похвастаться лишь тем, что они заново открыли рыночную экономику» [Sassoon, 1996, p. 733], и их «реалистическая» и «современная» социально-экономическая политика становилась все менее отличимой от неоконсервативной.

Попытки решить вставшие перед социал-демократическим движением проблемы привели к тому, что в ряде европейских социал-демократических партий активизировалось правое течение, позитивно настроенное по отношению к рыночной экономике. Теоретики этого направления, или «неоревизионисты», предлагали осуществить модернизацию идейного багажа социал-демократии посредством обогащения элементами социального либерализма. Они призывали, в сущности, отказаться от представления, что целью социал-демократических партий является преобразование капитализма в социалистическое общество. Задачей социал-демократов, с их точки зрения, должна была стать не ликвидация капитализма, а такое его регулирование, которое обеспечило бы в его рамках реализацию основных социалистических ценностей (справедливости, солидарности, свободы, равенства). При этом рыночная экономика, полагали «неоревизионисты», должна регулироваться не путем расширения государственного сектора, но посредством законодательного установления правил и рамок для функционирования частного бизнеса [см.: Sassoon, 1996, p. 730–735].

Впрочем, стоит отметить, что на практике европейские социалисты и социал-демократы обычно именно таким образом и действовали. Приходя к власти, они проводили социальные реформы, расширявшие общественный (по сути – государственный) контроль над рыночной экономикой, но не посягали при этом на ее базовые устои (а иногда реализовывали даже близкую к неоконсервативной социально-экономическую политику). Что же касается социализма, то он, как заметил в свое время лейбористский теоретик Р. Кроссмэн, рассматривался ими скорее «как утопический миф... часто далекий от реальностей ежедневной политики» [цит.

по: Lipset, 1960, p. 405]. Таким образом, «неоревизионизм» можно в какой-то мере рассматривать и как попытку согласовать социал-демократическую теорию и практику.

В социал-реформистских партиях сохранялось, конечно, и влияние левых традиционалистов. И тем не менее в 80–90-е годы в социалистических и социал-демократических партиях многих стран Запада наблюдались более или менее выраженный отход от этатистско-перераспределительных моделей и признание преимуществ рыночного хозяйства. Этой эволюции способствовали также перестройка в СССР и последующее крушение «реального социализма», наглядно продемонстрировавшие, что абсолютизация государственной собственности и планирования ведет к печальным последствиям, а для обеспечения экономической эффективности необходим рыночный механизм. Программно-идеологическое «поправление» в одних партиях было более заметным, в то время как другие лишь осторожно вступили на это путь – но тенденция к обновлению проявилась почти везде. К этому необходимо добавить, что в конце XX в. ряд социал-демократических партий изменили имидж и партийную символику, а некоторые – и название (так, в 1991 г. Социалистическая партия Австрии стала именоваться Социал-демократической).

«Новый лейборизм»

Хотя уже в конце 80-х годов ЛПВ отказалась от планов широкой национализации и признала ряд преимуществ рыночной экономики, ее радикальное программно-идеологическое обновление началось только после того, как в 1994 г. партию возглавил молодой и харизматичный Тони Блэр. Позднее, в 1998 г., аналогичный процесс развернулся в СДПГ. В результате в западной социал-демократии обозначились два основных течения – «новая» (модернистская) и «старая» социал-демократия. Первое из них, связанное с именами лейбористского премьер-министра Великобритании Тони Блэра и социал-демократического канцлера ФРГ Герхарда Шрёдера, отказалось от многих традиционных социал-демократических представлений и тяготело к социальному либерализму.

«Новая» социал-демократия, по словам Э. Гидденса, отличалась от «старой» по двум основным параметрам. Во-первых, она признает необходимость глубокого переосмысления левой идеоло-

гии в свете происходящих в мире изменений, к числу которых относятся глобализация, возникновение «экономики знаний», усиление индивидуалистических и постматериалистических установок, неэффективность государства благосостояния и возникновение новых рисков (прежде всего, экологических). Во-вторых, новая социал-демократия стремится прежде всего к электоральному успеху, а не к сохранению идеологической чистоты своей доктрины. В условиях значительного численного сокращения ее традиционной социальной опоры, рабочего класса, новые социал-демократы должны завоевывать поддержку в самых разных слоях общества [Giddens, 2002, p. 11].

Сторонники радикальной модернизации социал-демократизма стремились найти «третий путь» (так назвал свою концепцию Т. Блэр) между традиционным демократическим социализмом и неолиберализмом. Этот путь заметно отличался от того «третьего пути» между неконтролируемым капитализмом и тоталитарным коммунизмом, который стал важнейшей идеологемой международной социал-демократии после Второй мировой войны. По словам Т. Блэра, неолейбористский «третий путь» располагался правее того, по которому шли старые левые, делавшие акцент на государственном контроле, высоких налогах и отстаивании интересов работающих по найму, и левее того, по которому идут новые правые, нередко считающие злом не только государственное вмешательство в экономику, но и сами слова «общество» и «коллективные усилия» [Блэр, 2000, с. 5]. Иначе говоря, он пролегал между неолиберализмом и кейнсианским государством благосостояния. Теоретическое обоснование идеи и базовых принципов «третьего пути» принадлежало советнику Блэра социологу Э. Гидденсу.

От этатистских моделей традиционной социал-демократии «третий путь» отличали прежде всего следующие установки: правительство должно играть активную роль в регулировании экономической жизни, но избегать интервенционизма; в условиях новой экономики необходимо налаживать новые партнерские отношения с бизнесом; экономический рост и социальная справедливость – не антагонисты, а две стороны одной медали [Байерс, 2000, с. 46]. «Новые лейбористы» считали, что рынки необходимо не ограничивать, а либерализовывать, и что свободный рынок «является тем средством, которое обеспечит достижение реформистских целей лейбористов» [Heffernan, 2011, p. 165]. Правда, в отличие от кон-

серваторов они полагали, что результаты экономического роста, порожденного функционированием свободного рынка, должны использоваться для увеличения инвестиций в общественные службы и финансирования государства благосостояния [Heffernan, 2011, p. 166]. В духе этих идей правительство Блэра сохранило дерегулирование рынка труда, допустило частный бизнес к участию в системе государственных социальных услуг и предоставило Банку Англии (национализированному лейбористами в 1946 г.) право самостоятельно определять политику в области процентных ставок по кредитам и вкладам.

Т. Блэр и Э. Гидденс выступили также за превращение государства всеобщего благосостояния в «государство социальных инвестиций». Это означало, что государство будет оказывать гражданам помощь не столько в виде социальных выплат, сколько в форме инвестиций, направленных на приобретение ими квалификации или переобучение (инвестиций в человеческий капитал, по выражению Гидденса).

Вместе с тем социальная политика правительства Блэра включала в себя и многие традиционные социал-демократические элементы. Возражая в 1998 г. тем, кто считал «новых лейбористов» «осовремененными тори», Блэр говорил: «Какое правительство тори вложило бы 800 миллионов фунтов в наши беднейшие районы, дав им надежду на будущее? Какое правительство тори повысило бы на 20% детские пособия; предоставило бы пенсионерам бесплатные консультации у глазного врача; признало бы право на минимальный 4-недельный отпуск для британских рабочих? А какое правительство тори согласилось бы увеличить на 25% расходы на искусство и музеи? А скажите, какое правительство тори ввело бы, как это делаем мы с 1 апреля 1999 г., первую в истории Британии минимальную зарплату?» [Блэр, 2001, с. 230]. Неудивительно, что «новых лейбористов» нередко характеризовали как сторонников сочетания неолиберализма в экономике с социал-демократической социальной политикой или как социальных либералов. По своим идейно-политическим установкам «новая» социал-демократия действительно приближалась к социальному («рузвельтовскому») либерализму, олицетворяемому Демократической партией США. Т. Блэр и Б. Клинтон выдвигали даже идею создания нового Интернационала – Прогрессистского Интернационала или Интернационала левого центра. Да и сам Блэр пози-

ционировал «новый лейборизм» в качестве наследника не только лейбористской, но и прогрессивно-либеральной традиции.

Важно также упомянуть, что Т. Блэр, став лидером Лейбористской партии, добился отказа от такого социалистического атрибута прошлого, как 4-й пункт ее Устава (требовавший обобществления основных средств производства, распределения и обмена). После снятия из Устава ЛПВ старой редакции его 4-го пункта в 1995 г. Лейбористская партия официально стремится уже не к общественной собственности, а к созданию такого общества, в котором «власть, богатство и жизненные возможности (opportunity) принадлежат многим, а не меньшинству» [Sassoon, 1996, p. 739].

К этому стоит добавить, что «новые лейбористы» отошли от эгалитаристского понимания равенства, характерного для «старых левых», в пользу его меритократической трактовки. Для «новых лейбористов» равенство сводилось преимущественно к равенству стартовых возможностей (главным образом в сфере получения образования).

Блэр также изменил имидж ЛПВ. Если ранее она воспринималась избирателями прежде всего как классовая (рабочая) партия, тесно связанная с профсоюзами и лоббирующая их интересы, то Блэр стремился превратить ее в партию общенациональную и расширить тем самым ее социальную и электоральную базу. «Ныне я хотел бы, – говорил он в 1995 г., – чтобы Лейбористская партия стала партией, членами которой были бы владельцы собственного дела и безработные, мелкие бизнесмены и их клиенты, менеджеры и рабочие, домовладельцы и жители муниципальных домов, квалифицированные инженерно-технические работники, врачи и учителя» [Blair, 1995, p. 13]. Т. Блэр также в значительной мере дистанцировался от тред-юнионов, с которыми ранее ЛПВ тесно взаимодействовала.

Таким образом, Т. Блэр во многом отошел от «классического» лейборизма и его традиций. Для одного из ведущих лейбористских теоретиков послевоенного времени Э. Крослэнда социализм означал не только стремление повысить уровень жизни бедных и обездоленных, но и веру в социальное равенство и бесклассовое общество, отвержение конкуренции, которую должно заменить сотрудничество, протест против неэффективности капитализма как экономической системы [Crosland, 1956, p. 103]. «Новые» же лейбористы отвергали этатизм, делали акцент на индивидуальных

усилиях, ограничивали щедрость социального государства и были убеждены в преимуществах рыночной экономики.

Впрочем, по мнению Т. Блэра, «третий путь» не означал, что «новые лейбористы» отказывались от социал-демократических ценностей, – они лишь искали новые пути их реализации, соответствующие современному обществу. «Наш подход – это “перманентный ревизионизм”, постоянный поиск наиболее эффективных средств для достижения наших целей...», – утверждал лидер ЛПВ [цит. по: Перегудов, 1999, с. 51].

Помимо того, для сторонников «третьего пути» характерно скорее позитивное отношение к процессу глобализации. По мнению Блэра и Гидденса, глобализацию нужно признать свершившимся фактом и искать пути приспособления национальных экономик к условиям глобальной конкуренции. Позиция «новых лейбористов», согласно Гидденсу, должна быть проглобалистской, но при этом они не должны ставить знак равенства между глобализацией и безоговорочной защитой свободного рынка [Giddens, 2002, p. 70]. Стоит отметить, что и для левых лейбористов, и для многих континентальных социал-демократов (в особенности традиционалистов, стремящихся к сохранению кейнсианского государства благосостояния) характерно более критическое отношение к «капиталистической глобализации».

Герхард Шрёдер и «Новая середина»

Сходных с неолейбористскими взглядов придерживался и бывший лидер СДПГ (1999–2004) и канцлер ФРГ (1998–2005) Г. Шрёдер. Социально-политическая концепция Шрёдера, сформулированная им перед парламентскими выборами 1998 г., получила название «Новая середина» или «Новый центр» (Neue Mitte). Тем самым СДПГ демонстрировала намерение завоевать на свою сторону новые средние слои – высококвалифицированных наемных работников, мелких и средних предпринимателей, служащих, менеджеров, представителей свободных профессий, инженеров, врачей, педагогов и др. И результаты выборов 1998 г. показали, что ей это вполне удалось. Что же касается экономических взглядов Г. Шрёдера, то он был убежден: в эпоху глобализации экономическая политика не может быть социал-демократической или неолиберальной, она должна быть прежде всего современной.

Неудивительно, что предвыборная платформа СДПГ 1998 г. была, по словам Г. Шрёдера, «самой рыночной» из всех предвыборных программ этой партии [цит. по: Мацонашвили, 1998, с. 28]. Реализм и энергия важнее, чем идеология, – таким был один из ее ключевых принципов. Программа включала такие положения, как комбинация политики спроса и предложения; поддержка средних слоев, мелкого и среднего бизнеса; налоговая реформа (предусматривающая снижение налогообложения для всех предприятий – как концернов, так и мелких и средних фирм); помощь безработным в соответствии с принципом «работа вместо социальной помощи», т.е. предоставление тем, кто потерял работу, рабочих мест и возможностей для обучения и профессиональной подготовки; резкое увеличение инвестиций в образование, науку, исследования и разработки [Мацонашвили, 1998, с. 29–35]. Стоит обратить внимание на то, что если раньше социал-демократы, как правило, стремились посредством кейнсианского инструментария стимулировать спрос, то предвыборная платформа СДПГ предлагала комбинировать политику повышения спроса с политикой, ориентированной на предложение. Последняя включает в себя инновации в области образования, научных исследований, профессионального обучения, стимулирование разработки новых технологий, снижение косвенных издержек на заработную плату, поддержку мелкого и среднего предпринимательства, снижение налогообложения предприятий и ограничение бюрократической регламентации сферы бизнеса [Мацонашвили, 1998, с. 29–30]. Во многом эти идеи были близки к неолейбористской «прогрессивной политике предложения».

В 1999 г. Т. Блэр и Г. Шрёдер опубликовали совместный программный документ «Европа: Третий путь – Новая середина» («Europe: The Third Way – die Neue Mitte»), в котором была предпринята попытка последовательно изложить мировоззренческие установки «новой» социал-демократии. Блэр и Шрёдер подчеркивали, что они сохраняют приверженность базовым социал-демократическим ценностям (таким, как социальная справедливость, свобода и равенство шансов, солидарность), но ищут новые средства их достижения, соответствующие реалиям современного мира.

Блэр и Шрёдер признавали, что в прошлом социал-демократы зачастую отождествляли стремление к социальной справедливости с равенством в результатах и ростом государственных расходов, в то время как значение индивидуальной ини-

циативы и предпринимательства для повышения благосостояния недооценивалось. По словам авторов манифеста, социал-демократы ранее преувеличивали способность правительств к продуманному регулированию экономики, в то время как сильные стороны рынка не были ими оценены в полной мере. В противовес этим устаревшим представлениям премьер-министры Великобритании и ФРГ утверждали, что государство должно дополнять и улучшать регулируемую функцию рынков, но не мешать их функционированию.

«Мы выступаем за общество, которое одобряет как удачливых предпринимателей, так и талантливых деятелей искусства и футболистов и умеет ценить творческое начало во всех областях жизни», – подчеркивали Блэр и Шрёдер [Блэр, Шрёдер, 2000, с. 93]. По их мнению, основными принципами экономической политики «новых» социал-демократов должны были стать стимулирование экономического роста посредством снижения налогов с корпораций, сочетание регулирования спроса с политикой, ориентированной на предложение, обеспечение гибкости рынков товаров, капитала и труда, поддержка мелкого и среднего бизнеса, отказ от практики «дефицитного финансирования» государственных расходов. Наконец, декларировалось, что государство должно активно содействовать росту занятости, а не ограничиваться пассивной помощью безработным. При этом «новые» социал-демократы подчеркивали, что они выступают не за ликвидацию государства благосостояния, но за его модернизацию.

«Новый лейборизм» versus континентальная социал-демократия

На рубеже XX и XXI вв. «третий путь» и «манифест Блэра – Шрёдера» вызвали широкое и заинтересованное обсуждение в европейских социал-демократических партиях. Как отмечает известный немецкий политолог В. Меркель, в то время «дебаты вокруг третьего пути стали самым важным дискурсом о реформах на европейском партийном ландшафте» [цит. по: Giddens, 2002, p. 4]. При этом высказывались различные точки зрения – от отвержения идей «новых лейбористов» до готовности частично принять их установки.

Так, совместный документ Блэра и Шрёдера был подвергнут резкой критике руководством Французской социалистической партии (ФСП), стоявшим на позициях традиционной социал-

демократии. Ответом президиума ФСП на «манифест Блэра – Шрёдера» стал «документ Жоспена»¹, обнародованный в том же 1999 г. и озаглавленный «На пути к более справедливому миру». В этом документе подчеркивалось, что социалистам следует с уважением относиться к собственным традициям, не забывать о достижениях социал-демократии 1950–1960-х годов, сохранять критическое отношение к капитализму (в том числе глобальному) и не торопиться сдавать в архив кейнсианские рецепты макроэкономического регулирования. «Да – рыночному хозяйству, нет – рыночному обществу!», – провозглашал Л. Жоспен [Жоспен, 2000, с. 112]. Интересно отметить, что в «документе Жоспена» использовалось понятие «демократический социализм», исчезнувшее из лексикона «новых» социал-демократов.

Руководство ФСП выделило несколько существенных различий между программными установками ФСП и Лейбористской партии. Во-первых, ФСП была настроена более антикапиталистически, чем ЛПВ. ФСП полагала, что рыночная экономика имеет не только преимущества, но и недостатки, сама по себе она не приводит к оптимальному экономическому и социальному развитию и, напротив, может повлечь за собой «деградацию природы и общества». Поэтому французские социалисты считали, что необходима активная государственная макроэкономическая политика, способная обеспечить рост производства и занятости и охрану окружающей среды. По мнению лидеров французских социалистов, ФСП придерживается некейнсианской экономической модели, в то время как ЛПВ – неолиберальной.

Во-вторых, французских социалистов отличал от неолейбористов подход к социальной политике. Модернизированная ЛПВ разделила социальную политику на социальные инвестиции (в образование, повышение квалификации, здравоохранение) и социальную помощь и проявляла особенную заботу о социальных инвестициях. ФСП же считала, что такое разделение искусственно, оба типа социальной политики в равной степени необходимы, а государство благосостояния следует реформировать, а не ломать.

В-третьих, ФСП и ЛПВ разошлись во взглядах на рынок труда. По мнению ФСП, неолейбористы преувеличивали гибкость

¹ Социалист Лионель Жоспен занимал пост премьер-министра Франции в 1997–2002 гг.

рынка труда, в то время как «организация рынка труда должна быть согласована для взаимовыгодного сотрудничества, а не навязана работодателями» [см.: Преображенская, 2000, с. 48].

В-четвертых, французские социалисты более критически, чем «новые лейбористы», относятся к процессу глобализации. С точки зрения ФСП глобализация представляет собой «мутацию капитализма», которую необходимо обуздать с помощью солидарных действий и политического регулирования. Глобализация, отмечал Л. Жоспен, – это процесс, который «нуждается в регулировании, и не только для предупреждения кризисов, но также и для сохранения региональных и национальных идентичностей» [Жоспен, 2000, с. 121].

Французская соцпартия, таким образом, осталась в целом на позициях «традиционной» социал-демократии. Ее идеологическое обновление не пошло, да и не могло пойти по пути Блэра и Шрёдера в силу особенностей левой политической культуры Франции и традиций социалистического движения в этой стране. Деидеологизированный прагматизм, принятие рыночно-капиталистической системы и фактический отказ от социалистического проекта неприемлемы для французских социалистов. Кроме того, разрыву ФСП с социалистическими ценностями и традициями препятствует наличие во Франции достаточно сильной левой оппозиции (компартия, экологи и другие находящиеся на крайнем левом фланге организации). Понятно, что резкое «поправление» ФСП только принесло бы новые голоса ФКП и другим левым группировкам.

Последовавшая за «манифестом Блэра – Шрёдера» дискуссия показала, что не только ФСП, но и большинство других европейских социал-демократических партий не торопится вступить на «третий путь» «новых лейбористов». Помимо французской соцпартии, на более традиционных позициях остались социалистические партии стран Южной Европы (Португалии, Испании, Греции). Другие социал-демократические партии пошли по пути частичной «маркетизации» своих программно-идеологических установок. К этому направлению можно отнести, например, Партию труда Нидерландов (ПТН), Социал-демократическую рабочую партию Швеции (СДРПШ), Социал-демократическую партию Австрии (СДПА).

Что касается ПТН, то эта партия, по словам ее теоретиков, занимает позицию «между Блэром и Жоспеном». Как утверждает голландский политолог Р. Куперус, Партии труда удалось проло-

жить «средний путь между англосаксонским дерегулированием рынка рабочей силы и стагнацией государства благосостояния в странах континентальной Европы» [Multiple third ways, 2001, p. 165]. Отстаиваемая нидерландскими социал-демократами социальная модель сочетает рыночную ориентацию и элементы корпоративизма. Она предполагает активизацию сил рынка, сокращение бюджетного дефицита, почти полный отказ от кейнсианских методов стимулирования спроса и флексибилизацию рынка труда. В то же время ПТН в гораздо большей степени, чем «новые лейбористы», ориентируется на демократический консенсус, в выработке которого участвуют политические партии, социальные партнеры и ассоциации гражданского общества.

Социал-демократическая рабочая партия Швеции в конце XX – начале XXI в. также частично сместилась в сторону политического центра. Сравнивая программы СДРПШ 1990 и 2001 гг., можно отметить, что в последней из них прослеживается более позитивное отношение к рыночной экономике. Если в 1990 г. программной целью СДРПШ объявлялась «экономическая демократия», предполагавшая влияние общественных органов на процесс труда и распределение результатов производства, то в 2001 г. шведская социал-демократия выступила уже за «демократическую экономику», в которой важную роль играют рыночный механизм и частное предпринимательство (наряду, конечно, с государственным регулированием). Вместе с тем СДРПШ подчеркивает, что она была и остается антикапиталистической партией [Party program... 2001].

«Приняв на деле многое из неолиберальной практики экономического регулирования, СДРПШ, однако, не внесла в свои доктринальные установки соответствующих корректив, которые открыли бы дорогу для синтеза социал-демократизма и неолиберализма, – отмечает политолог И. Гришин... – Его необходимость, возможно, осознается в партии, но не признается публично» [Гришин, 2007, с. 63]. И действительно, попытка обновления идеологии СДРПШ в духе неолейбористского «третьего пути» столкнулась бы с серьезными трудностями – прежде всего потому, что шведская социал-демократия сохраняет достаточно тесные связи с профсоюзами, приверженными «шведской социальной модели».

Представляет интерес также процесс идеологического обновления Социал-демократической партии Австрии. СДПА также

не пошла по пути шрёдеровской «Новой середины», что объясняется прежде всего историческими традициями австрийских социалистов. Идеология Социалистической партии Австрии (так СДПА именовалась до 1991 г.) формировалась под сильным влиянием австромарксизма, которое прослеживается в программах СПА 1958 и 1978 гг. От австромарксистов австрийские социалисты унаследовали и веру в то, что сильное государство является важнейшим рычагом социальных изменений, ведущих к социализму.

Если проанализировать эволюцию программно-идеологических позиций австрийских социал-демократов в последние десятилетия, то можно констатировать, что их критичность в отношении существующей социально-экономической системы снижается, а вера в благодетельность «большого государства» и значительного государственного сектора ослабевает. В 70-е годы в документах СПА еще содержалась критика капитализма, упоминалось о капиталистической эксплуатации. Впоследствии мировоззрение австрийских социал-демократов заметно «маркетизировалось», что объясняется как трудностями, с которыми столкнулся австрийский государственный сектор в конце 80-х годов, так и крушением коммунистических режимов в соседних с Австрией восточноевропейских странах. В манифесте СПА «Социал-демократия 2000» (1989) и программе СДПА 1998 г. было выражено более позитивное, чем раньше, отношение к рыночной экономике, однако и в этих документах утверждалось, что австрийская социал-демократия стремится к преодолению классового общества.

Таким образом, хотя в 90-е годы и имела место определенная «маркетизация» идеологии СДПА, эта партия не пошла по пути Блэра – Шрёдера. Она не отказалась от своих социалистических традиций, а ее отношение к неолиберализму (который, по мнению австрийских социал-демократов, вернее было бы именовать «нео-эгоизмом» и «необезжалостностью» [Hartmann, 2004, p. 9]) и неолиберальной модели глобализации остается весьма критическим.

Короче говоря, радикальная модернизация идеологии и политики в конце XX – начале XXI в. произошла лишь в двух социал-демократических партиях – ЛПВ и СДПГ. Другие же социал-демократические и социалистические партии или частично модифицировали свои программно-идеологические установки, или остались на позициях традиционного социал-демократизма. Сохра-

нилась и национальная специфика различных отрядов социал-демократии и их социальных моделей.

Почему же, несмотря на, казалось бы, назревшую необходимость либерализации и «маркетизации» социал-демократической идеологии, большинство континентальных левоцентристских партий не испытывали желания копировать «третий путь» «новых лейбористов»? Можно указать несколько причин этого явления.

Прежде всего, социал-демократический проект формирования нового социального устройства, свободного от недостатков капитализма, выполняет в левоцентристских партиях также и важную интегративную функцию. В силу этого отказ социал-демократии от собственного проекта, от своего «видения» общества будущего грозит не только подорвать социал-демократическую идентичность, но и вызвать внутрипартийные кризисы и расколы.

То, что сдвиг социал-демократической партии вправо может привести к расколам и выходу из партии части левоориентированных членов, можно увидеть на примерах из политической жизни СДПГ и ФСП. Так, в начале XXI в. в знак протеста против курса Шрёдера СДПГ покинуло не только значительное число ее рядовых членов, придерживавшихся традиционных социал-демократических воззрений, но и такой известный политик, как Оскар Лафонтен. Аналогичный раскол позднее имел место и во Французской соц-партии, хотя ее весьма умеренный дрейф к политическому центру нельзя сравнивать с «маркетизацией» идеологии и политики СДПГ при Шрёдере. Так, в 2008 г. из ФСП вышел лидер ее левого крыла Жан-Люк Меланшон, обвинивший руководство партии в социал-либерализме и отходе от левой политики.

Степень, в которой социал-демократическая партия может модернизировать свои программно-идеологические установки, зависит, далее, от особенностей левой политической культуры и традиций рабочего движения в данной стране. Так, например, этатистский характер французского социализма во многом объясняется спецификой левой политической культуры Франции. Важно также отметить, что партии, более тесно связанные с профсоюзами (к примеру, социал-демократические партии Швеции, Норвегии, Австрии), не могут допустить слишком значительной «маркетизации» своей идеологии и политики, так как профсоюзы обычно выступают против дерегулирования рынка труда и в защиту социальных гарантий.

Кроме того, возможности рыночно-ориентированной модернизации той или иной социал-демократической партии зависят и от того, существует ли слева от этой партии достаточно мощная политическая сила. Так, Т. Блэр, сдвигая ЛПВ в сторону политического центра, мог не опасаться конкуренции со стороны более радикальных левых (влияние которых в Великобритании совершенно незначительно). Но, к примеру, во Франции и Германии дело обстоит иначе. Поэтому ФСП и СДПГ не могут позволить себе слишком заметного поворота в сторону социал-либерализма, так как таким образом они уступят свой электорат более левым организациям.

Необходимо обратить внимание еще и на, так сказать, «субъективный фактор». Радикально обновить идеологию партии, отойти от ее традиций, не вызвав при этом внутрипартийного кризиса, обычно удается лишь харизматическому лидеру. Подтверждением этого является, в частности, успех Т. Блэра. Однако в настоящее время в западных социал-демократических партиях наблюдается явный дефицит харизматических политиков – впрочем, как и ярких мыслителей и оригинальных идей.

ЛПВ при Блэре и его преемниках: От «новых» лейбористов к «синим»

«Модернизированная» Лейбористская партия одержала победу на парламентских выборах 1997 г., и в течение практически всего премьерства Т. Блэра (завершившегося в 2007 г.) политика «новых лейбористов» обеспечивала очень неплохие экономические и социальные результаты. В 1997–2005 гг. экономика Великобритании ежегодно росла на 2–3%, инфляция не превышала 2% в год, а безработица оставалась на низком по европейским меркам уровне (около 5% экономически активного населения) [Перегудов, 2005, с. 378]. Лейбористское правительство предприняло ряд мер для увеличения доходов многодетных семей, малообеспеченных пенсионеров, установило минимальный уровень оплаты труда, что привело к существенному сокращению бедности в Великобритании. Неудивительно, что Лейбористская партия во главе с Т. Блэром одержала победу также и на выборах 2001 и 2005 гг.

После ухода Т. Блэра в отставку летом 2007 г. правительство Великобритании и Лейбористскую партию возглавил Гордон Бра-

ун – министр финансов в кабинете Блэра и главный автор экономической программы «нового лейборизма». Вскоре после смены премьер-министра Великобритании вступила в полосу экономических трудностей, которые были, впрочем, вызваны прежде всего влиянием глобального финансово-экономического кризиса.

Начавшийся в Великобритании в 2007 г. экономический спад (объясняющийся как влиянием глобального финансово-воспроизводственного кризиса, так и особенностями структуры британской экономики с присущим ей гипертрофированным развитием финансового сектора) имел для ЛПВ и другое важное последствие – он заставил правительство Г. Брауна вновь обратиться к более активному государственному вмешательству в экономику [см.: Хесин, 2009]. Было национализировано несколько банков, а в ряде других кредитных учреждений увеличена доля государства, совершенствовалась система финансового регулирования, активно вливались средства в банковский и реальный секторы, была повышена максимальная ставка подоходного налога для самых высокооплачиваемых британцев. Иными словами, в попытках преодолеть кризис правительство Г. Брауна в 2008–2010 гг. обратилось к кейнсианским методам налогово-бюджетного стимулирования, причем многие из предпринятых им мер (национализация, усиление регулирования экономики, повышение налогов, печатание новых денег) находились в противоречии с идеологическими установками «нового лейборизма» [Хесин, 2010, с. 63].

Впрочем, эти шаги не принесла партии ожидаемых политических дивидендов. Снижению доверия избирателей к ЛПВ способствовал и ряд других обстоятельств – череда скандалов, в которых были замешаны политики-лейбористы, участие британских вооруженных сил в непопулярной войне в Ираке и чрезмерно либеральная иммиграционная политика, вызвавшая недовольство населения. Совокупность этих факторов привела к тому, что на состоявшихся в мае 2010 г. парламентских выборах лейбористы потерпели поражение. В результате выборов было создано коалиционное правительство консерваторов и либеральных демократов во главе с Д. Кэмероном, а ЛПВ была вынуждена перейти в оппозицию. Поражение лейбористов Г. Браун воспринял как негативную оценку избирателями его деятельности и ушел в отставку не только с поста главы правительства, но и лидера партии. В сентябре 2010 г. новым лидером ЛПВ был избран представитель нового

поколения Эд Милибэнд – политик, близкий по своим воззрениям к Брауну.

Пребывание ЛПВ в оппозиции способствовало активизации традиционных лейбористских установок и более левой риторики. Характерно, что в настоящее время Лейбористская партия больше не аттестует себя в качестве партии «третьего пути» и «нового лейборизма». Тем не менее ЛПВ и ее лидер, несомненно, остаются связанными с политикой, ассоциируемой с «новым лейборизмом» [Heffernan, 2011, p. 176]. Сам Милибэнд, выступая в октябре 2010 г. на ежегодной конференции Конфедерации британской промышленности, солидаризовался с представлениями «новых лейбористов», «что мы должны быть партией, умеющей и создавать богатство, и перераспределять его, что мы должны выступать за экономическое процветание, так же как за социальную справедливость, и что решить проблемы нашего общества невозможно без партнерства между правительством и бизнесом» [Miliband, 2010]. Нынешней целью ЛПВ, полагает ее лидер, должно стать формирование «ответственного капитализма», в рамках которого баланс между финансовым и реальным секторами изменится в пользу последнего, а краткосрочные финансовые спекуляции не будут играть в британской экономике такой роли, как сегодня [Miliband, 2012].

Находясь в оппозиции, Лейбористская партия последовательно выступает против политики «жесткой экономии», проводимой правительством Д. Кэмерона, ратует за увеличение государственных инвестиций (в том числе в строительство дешевого жилья), за более справедливую налоговую систему. Вероятнее всего, и нынешний оппозиционный статус ЛПВ, и общая тенденция к «полевению» европейской социал-демократии, ставшая реакцией на глобальный финансово-экономический кризис, будут и дальше толкать Лейбористскую партию в сторону несколько большей радикальности и отхода от установок «нового лейборизма».

В связи с этим стоит обратить внимание на появление в ЛПВ в 2009 г. нового течения – «синего лейборизма» (Blue Labour). Как видно уже из названия этой группировки, «синие лейбористы» стремятся включить в лейбористскую идеологию некоторые концепты британских консерваторов (синий – традиционный цвет партии тори). Сторонники этого направления намерены привлечь придерживающихся консервативных взглядов избирателей из рабочего класса путем провозглашения более консервативных под-

ходов в таких сферах, как иммиграция, борьба с преступностью, европейская интеграция. Они критикуют как старую левую идеологию, так и «новых лейбористов», которые воспринимаются ими как сторонники неолиберализма, глобализации, космополитизма и бесконтрольной иммиграции. Основные концепты «синего лейборизма» были сформулированы советником Э. Милибэнда М. Глэзмэном, активно отстаивающим такие ценности, как семья, религия, британская идентичность, и выступающим за возрождение коммунитарного духа. По словам Глэзмэна, «синий лейборизм» – это «глубоко консервативный социализм, который ставит семью, веру и работу в центр новой политики взаимной помощи и солидарности» [Stratton, 2012].

Идеи «синих лейбористов» оказали заметное влияние и на мировоззрение нынешнего лидера ЛПВ. Стоит упомянуть, в частности, что Эд Милибэнд не является сторонником чрезмерно либеральной иммиграционной политики, проводившейся в годы премьерства Т. Блэра. Таким образом, ЛПВ сейчас находится в процессе идейных исканий, и вероятнее всего, она в конечном итоге придет к некоему идеологическому синтезу, включающему элементы «старого» и «нового» лейборизма, коммунитаризма и социального консерватизма.

СДПГ: Проблемы и трудности «Новой середины»

В то время как Т. Блэр достаточно успешно модернизировал британский лейборизм, попытка Г. Шрёдера провести рыночно ориентированное обновление СДПГ оказалась гораздо менее удачной. Больше того, после ухода Шрёдера с поста председателя СДПГ (2004) и поражения этой партии на выборах в Бундестаг в 2005 г. СДПГ вновь стала дрейфовать в сторону более традиционного социал-реформизма.

Правда, вначале сдвиг германской социал-демократии в сторону «Новой середины» принес хорошие электоральные результаты – в 1998 г., после 16 лет пребывания в оппозиции, СДПГ удалось вернуться к власти. В результате выборов в Бундестаг 1998 г. была сформирована коалиция СДПГ с «Зелёными» (просуществовавшая до 2005 г.), а Г. Шрёдер стал федеральным канцлером. Однако в дальнейшем инициированная им модернизация теории и

практики германской социал-демократии столкнулась с целым рядом трудностей.

Прежде всего, в своей партии Шрёдер встретился с сильным противодействием левого крыла. Как отмечают историки германской социал-демократии, левые традиционалисты в СДПГ в противовес идеям «манифеста Блэра – Шрёдера» «пропагандировали государственно ориентированную модель управления по примеру Лионеля Жоспена во Франции... Вместо глобализации и модернизации они хотели больше социальной справедливости, перераспределения и еще большего государственного вмешательства» [Поттхофф, Миллер, 2003, с. 413–414]. Упорное сопротивление традиционалистского крыла СДПГ и профсоюзов позволило Г. Шрёдеру приступить к перестройке социальной модели ФРГ лишь после победы «красно-зеленой» коалиции на выборах 2002 г.

Программа реформ Г. Шрёдера, к осуществлению которой федеральный канцлер приступил в 2003 г., была изложена в документе «Агенда (повестка дня) 2010» (2003); позднее она также нашла воплощение в пакете законов о реформировании социальной сферы и рынка труда «Хартц IV» (2005). Суть замыслов Шрёдера сводилась к уменьшению роли государства в экономике ФРГ. Реформы включали снижение налогов на бизнес и социальных взносов предпринимателей, дебюрократизацию процесса создания новых предприятий, дерегулирование рынка труда, уменьшение различных субсидий и льгот, сокращение сроков получения пособия по безработице, приватизацию федеральной собственности [см. подробнее: Гутник, 2003; Животовская, 2008, с. 152–158]. Их ключевым принципом, считал канцлер, должно было быть «*fördern und fordern*» («содействовать человеку и одновременно требовать от него») [Орлов, 2008, с. 29].

Важно отметить, что необходимые для осуществления этих преобразований законы Г. Шрёдеру удалось провести через Бундестаг лишь вопреки упорному сопротивлению левого крыла СДПГ и профсоюзов. Сами же реформы оказались весьма непопулярными и болезненными, кроме того, их результатом стало усиление внутрипартийной оппозиции Шрёдеру и падение авторитета СДПГ. Демонтаж социального государства, с точки зрения многих избирателей и членов СДПГ, противоречил ее фундаментальным принципам, в результате чего из партии начался отток левых социал-демократов. Внутрипартийный кризис и падение популярности

СДПГ в конечном итоге привели германскую социал-демократию к поражению на парламентских выборах 2005 г., в результате которых была сформирована «большая коалиция» ХДС/ХСС – СДПГ, а федеральным канцлером стала Ангела Меркель.

Таким образом, Г. Шрёдеру не удалось коренным образом модернизировать СДПГ. О том, что «блэровской революции» в СДПГ не произошло, свидетельствует и новая программа партии, принятая на съезде в Гамбурге в 2007 г. Гамбургская программа отразила компромисс между «старыми» и «новыми» социал-демократами, традиционалистами и модернизаторами. Важно отметить, что в этом документе германская социал-демократия подтвердила свою приверженность демократическому социализму. «Конец государственного социализма советского образца, – говорится в новой программе СДПГ, – не опроверг идею демократического социализма, но ясно подтвердил ориентацию социал-демократии на основные ценности. Демократический социализм остается для нас видением (Vision) свободного, справедливого и солидарного общества, претворение которого в жизнь является для нас постоянной задачей» [Hamburger Programm, 2007, S. 16–17].

Гамбургская программа критикует рыночный фундаментализм и возлагает на государство ответственность за обуздание рыночных сил. «Авторитарное и тоталитарное правление в XX в. дискредитировало государство, – читаем мы в документе СДПГ. – Этим пользуются рыночные радикалы, которые хотят ограничить функции государства охраной собственности и организацией рынков. Там, где только возможно, они пытаются передать рынкам задачи государства. Но то, что передается рынкам, должно стать товаром, который одни могут себе позволить, а другие – нет. Демократическое и правовое социальное государство... несет ответственность за те сферы жизни, которые не должны быть превращены в товар» [Hamburger Programm, 2007, S. 31]. Так, не должны стать товаром образование, социальная безопасность и культура.

Представляет интерес также выдвинутая в программе новая концепция социального государства. СДПГ выступает теперь за превращение государства благосостояния в «заботливое» (или «предусмотрительное») социальное государство (Vorsorgende Sozialstaat), обеспечивающее оптимальный баланс между социальной защищенностью человека и его личной ответственностью за свою судьбу [Hamburger Programm, 2007, S. 55–60].

Немало места в Гамбургской программе уделено проблематике глобализации. Подход к этому феномену в документе СДПГ сходен с тем, который разделяется большинством континентальных социал-демократических партий. Процесс глобализации, говорится в Гамбургской программе, несет с собой как шансы, так и риски и негативные явления, поэтому на него необходимо влиять с помощью демократической политики. Хотя глобализация и сокращает регулирующие возможности национального государства, немецкие социал-демократы убеждены, что общество «не должно капитулировать перед слепой силой капиталистической глобализации» [Hamburger Programm, 2007, S. 13].

В общем, можно сказать, что Гамбургская программа оказалась ближе к традиционным представлениям СДПГ, чем к «Новой середине» Г. Шрёдера.

Предвыборная программа СДПГ, принятая в апреле 2009 г., также была выдержана в традиционном социал-демократическом ключе. Ее характеризовал очень сильный социальный уклон – достаточно упомянуть, что о социальных проблемах и социальной справедливости на 59 страницах программы говорилось 205 раз [Григорьев, 2009]. Впрочем, этот идеологический поворот не спас германских социал-демократов от катастрофического поражения на выборах в Бундестаг, состоявшихся в сентябре 2009 г. СДПГ набрала на этих выборах всего 23% голосов (иными словами, за период с 1998 г. партия потеряла примерно половину своего электората). В результате была сформирована правящая коалиция христианских демократов с либералами (СвДП), а СДПГ оказалась в оппозиции. Важно также отметить, что партии, находящиеся слева от социал-демократов – «Зелёные» и партия «Левые», – на тех же выборах улучшили свои позиции (прежде всего за счет электората СДПГ).

Эти печальные для СДПГ результаты во многом объясняются тем, что партия так и не смогла преодолеть идеологический кризис и предложить избирателям какие-либо свежие, оригинальные идеи и подходы, привлекательный проект будущего. Впрочем, результаты выборов 2011–2013 гг. в ландтаги ряда земель ФРГ свидетельствуют о том, что в условиях нынешнего мирового финансового кризиса популярность германской социал-демократии вновь начинает увеличиваться.

Социал-демократия и глобальный финансово-экономический кризис

В конце первого десятилетия XXI в. западной социал-демократии пришлось столкнуться с новым серьезным вызовом – глобальным финансово-экономическим кризисом. В левых и лево-центристских кругах стран Запада получила распространение точка зрения, что мировой финансовый кризис – это, в сущности, кризис неолиберального капитализма и неолиберальной модели глобализации, подтверждающий справедливость базовых представлений социал-демократов о необходимости политического регулирования экономических процессов. Эксперт близкого к СДПГ Фонда Фр. Эберта Э. Хиллебранд, например, полагает, что доминирование рыночного радикализма и неолиберального дискурса «определенно идет к концу», а «культурная гегемония в том смысле, как ее понимал Грамши, будет какое-то время на стороне тех, кто считает, что рынки необходимо регулировать и ставить в определенные рамки...» [Hillebrand, 2008, S. 16].

Глобальный кризис, действительно, поставил под сомнение ряд постулатов неолиберализма и способствовал возрождению кейнсианства. Очевидно, что в этих условиях социал-демократы едва ли предпримут новые попытки «маркетизировать» свои программно-идеологические установки. Напротив, наметилась тенденция к возвращению их к традиционным социал-демократическим представлениям. Так, например, в Декларации принципов Партии европейских социалистов (ноябрь 2011 г.) причины глобального кризиса трактуются следующим образом: «Рыночные силы, движимые финансами и жадностью, захватывают власть и стремятся устранить демократический контроль над ней. Эти силы служат интересам привилегированного меньшинства. Консерваторы и неолибералы усугубили экономические, географические и социальные неравенства, продвигая свои ценности – краткосрочную и легкую прибыль, свободу от всяких правил, – что привело к тяжелейшему кризису...» [Декларация принципов... 2011].

Представление о социально-экономических воззрениях социал-демократов в эпоху финансового кризиса дает статья трех лидеров СДПГ (председателя партии З. Габриэля, экс-министра финансов П. Штайнбрюка и председателя парламентской фракции СДПГ Ф.-В. Штайнмайера) «Зачем нужна социальная рыночная

экономика», опубликованная в апреле 2012 г. в газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung». Критический пафос статьи направлен против «хищнического капитализма» (Raubtierkapitlismus) и «экономики мыльного пузыря». В этой статье лидеры СДПГ решительно выступили против политики сокращения государственных расходов, которую А. Меркель и Н. Саркози рекомендовали европейским странам, имеющим значительный государственный долг. С точки зрения авторов статьи, этим странам необходимы не меры жесткой экономии, а инвестиции, обеспечивающие экономический рост и увеличение занятости [Gabriel, Steinbrück, Steinmeier, 2012].

Также и нынешний президент Франции социалист Франсуа Олланд, избранный на этот пост в мае 2012 г., предложил избирателям традиционную социал-демократическую программу. Его предвыборная платформа предусматривала создание 150 тыс. «рабочих мест будущего» для молодежи (на 75% финансируемых государством) и 60 тыс. рабочих мест в сфере образования, активное строительство государственного жилья, увеличение до 75% налога на доходы, превышающие 1 млн. евро в год, повышение социальных выплат, введение налога на финансовые транзакции, создание специального государственного банка для поддержки мелкого и среднего бизнеса и т.д. [см.: Hollande, 2012]. Таким образом, Олланд также выступает за кейнсианскую стратегию стимулирования экономического роста путем увеличения государственных расходов. Впрочем, за время, прошедшее после президентских выборов, не все его обещания были воплощены в жизнь.

Таким образом, можно отметить, что мировой финансово-экономический кризис прервал «правый дрейф» европейской социал-демократии. Даже такие партии, как ЛПВ и СДПГ, которые в начале XXI в. достаточно далеко продвинулись в сторону социального либерализма, были вынуждены в той или иной степени вернуться к «старому» социал-демократизму. В настоящее время лидеры европейской социал-демократии выступают за восстановление частично демонтированного неоконсерваторами государства благосостояния, государственное регулирование финансовых рынков и использование кейнсианских методов стимулирования совокупного (потребительского и инвестиционного) спроса, проведение активной промышленной политики – иными словами, отстаивают традиционные социал-демократические ценности и установки.

* * *

Сегодня западная социал-демократия находится на распутье. С одной стороны, вызовы глобализации и императивы «новой экономики» будут и дальше толкать ее в сторону социального либерализма. С другой стороны, в условиях всемирного финансово-экономического кризиса, рассматриваемого социал-демократами как кризис неолиберального «турбокапитализма», дальнейшая «маркетизация» их программно-идеологических установок представляется маловероятной. Напротив, в левоцентристских партиях сейчас в определенной степени происходит поворот к «старым» социал-демократическим ценностям, а их лидеры возвращаются к такой традиционной для социал-демократов повестке дня, как защита социального государства, регулирование финансовых рынков, стимулирование экономического роста и занятости, борьба против сокращения государственных расходов и т.д. Время покажет, удастся ли западной социал-демократии найти тот «третий путь», который позволил бы совместить экономический рост со справедливым распределением, благоприятные условия для бизнеса с развитым государством благосостояния, гибкость рынка рабочей силы с социальной защитой, интернационализм с защитой национальной идентичности, – короче говоря, традиционные социал-демократические ценности с императивами современного мира.

Литература

- Байерс С.* Третий путь // Международная жизнь. – М., 2000. – № 12. – С. 42–46.
- Блэр Т.* Выступление премьер-министра Великобритании и лидера Лейбористской партии Энтони Блэра на конференции ЛПВ в г. Блекпул 29 сентября 1998 г. // Громыко А.А. Политический реформизм в Великобритании, (1970–1990 годы). – М.: XXI век – Согласие, 2001. – С. 224–233.
- Блэр Т.* Новая политика для нового столетия // Государственная служба за рубежом. – М., 2000. – № 4. – С. 5–8.
- Блэр Т., Шрёдер Г.* Европа: Третий Путь – Новая середина // Социал-демократия перед лицом глобальных проблем: Проблемно-тематический сборник / РАН. ИНИОН; Отв. ред. Орлов Б.С., ред.-сост. Мационашвили Т.Н. – М., 2000. – С. 88–105.
- Григорьев Е.* Штайнмайер сделал заявку на канцлерство // Независимая газета. – М., 2009. – № 082 (4714), 21 апреля. – С. 7.

- Гришин И.В.* Выборы в Швеции: судьбоносный сдвиг? // *Мировая экономика и международные отношения*. – М., 2007. – № 3. – С. 54–64.
- Гутник В.П.* Государство уходит из экономики ФРГ // *Независимая газета*. – М., 2003. – № 275 (3107), 22 декабря. – С. 14.
- Декларация принципов Партии европейских социалистов. – М., 2011. – 30 ноября. – Режим доступа: <http://www.socialistinfo.ru/socialXXI/988.html> (Дата посещения: 05.07.2013.)
- Животовская И.Г.* Государство благосостояния в странах Западной Европы в условиях глобализации: Проблемы модернизации социальной модели // *Глобализация и социальная политика развитых стран: Сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН; Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. проблем; Отв. ред. и сост. С.Я. Веселовский*. – М., 2008. – С. 99–181.
- Жоспен Л.* На пути к более справедливому миру // *Социал-демократия перед лицом глобальных проблем: Проблемно-тематический сборник / РАН. ИНИОН; Отв. ред. Орлов Б.С., ред.-сост. Мацонашвили Т.Н.* – М., 2000. – С. 106–127.
- Любин В.П.* Будущее левых сил (Теоретическая дискуссия) // *Европейская социал-демократия накануне XXI столетия / Отв. ред. Б.С. Орлов*. – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – С. 93–102.
- Мацонашвили Т.Н.* Социал-демократическая партия Германии перед выборами 1998 г.: Науч.-аналит. обзор / РАН. ИНИОН. – М., 1998. – 42 с.
- Орлов Б.С.* Новая программа германской социал-демократии. Итоги идейной дискуссии в СДПГ: Аналитический обзор / РАН. ИНИОН; Центр науч.-информ. исслед. глоб. и регион. пробл. – М., 2008. – 102 с.
- Перегудов С.П.* Тони Блэр / РАН. ИНИОН. – М., 1999. – 55 с.
- Перегудов С.П.* Выборы в Великобритании: двухпартийная система держит удар // *Год планеты. Политика. Экономика. Бизнес. Банки. Образование*. Вып. 2005 г. / РАН. ИМЭМО; Гл. ред. О.Н. Быков. – М.: Экономика, 2005. – С. 377–384.
- Поттхофф Х., Миллер С.* Краткая история СДПГ, 1848–2002 / РАН. ИНИОН. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 558 с.
- Преображенская А.А.* Французская социалистическая партия и европейская социал-демократия // *Мировая экономика и международные отношения*. – М., 2000. – № 6. – С. 47–52.
- Хесин Е.С.* Великобритания: от подъема к кризису // *Мировая экономика и международные отношения*. – М., 2009. – № 12. – С. 50–63.
- Хесин Е.С.* Экономика Великобритании накануне выборов // *Великобритания перед всеобщими выборами 2010 г. / Под ред. Ал.А. Громыко (отв. ред.) и др.* – М.: Институт Европы РАН; Русский сувенир, 2010. – С. 53–64.
- Blair T.* Let us face the future: The 1945 anniversary lecture. – L.: Fabian Society, 1995. – 16 p. – (Fabian pamphlet; 571).
- Crosland C.A.R.* The future of socialism. – L.: Cape, 1956. – 540 p.
- Dahrendorf R.* Die Chancen der Krise: Über die Zukunft des Liberalismus. – 2. Aufl. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1983. – 240 S.
- Gabriel S., Steinbrück P., Steinmeier F.-W.* Warum wir die Soziale Marktwirtschaft brauchen // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. – 2012. – April, 1. – Mode of access:

- <http://www.faz.net/aktuell/politik/inland/gastbeitrag-der-spd-troika-warum-wir-die-soziale-marktwirtschaft-brauchen-11704222.html> (Дата посещения: 06.07.2013.)
- Giddens A.* Where now for New Labour? – L.: Polity press, 2002. – viii, 84 p.
- Hamburger Programm: Das Grundsatzprogramm der SPD. – Hamburg, 2007. – 28 Oktober. – 79 S. – Mode of access: http://www.spd.de/linkableblob/1778/data/hamburger_programm.pdf (Дата посещения: 06.07.2013.)
- Hartmann A.* Austrian Social Dems Reject Neo-Liberalism // EIR. – Washington, DC, 2004. – Vol. 31, N 4. – P. 8–10.
- Heffernan R.* Labour's new labour legacy: Politics after Blair and Brown // Political Studies Review. – L., 2011. – Vol. 9, N 2. – P. 163–177.
- Hillebrand E.* Zwischenruf: die europäische Linke und die Folge des Finanzkrise // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. – Frankfurt am Main, 2008. – N 11. – S. 16–17.
- Hollande F.* Le Changement c'est maintenant: Mes 60 engagements pour la France. – 2012. – Mode of access: <http://www.scribd.com/doc/79434607/Projet-Presidentiel-Francois-Hollande> (Дата посещения: 06.07.2013.)
- Lipset S.M.* Political man: The social bases of politics. – L.: Heinemann, 1960. – 432 p.
- Miliband E.* Speech to the Confederation of British Industry, 25 October 2010. – Mode of access: <http://www.businesszone.co.uk/topic/business-trends/ed-milibands-cbi-speech-full-labour-will-stand-small-business-and-entrepreneur> (Дата посещения: 06.07.2013.)
- Miliband E.* Building a Responsible Capitalism // Juncture. – L., 2012. – May, 25. – Mode of access: <http://www.ippr.org/juncture/171/9200/building-a-responsible-capitalism> (Дата посещения: 06.07.2013.)
- Multiple third ways: European social democracy facing the twin revolution of globalisation and the knowledge society / R. Cuperus, K. Duffek, J. Kandel (eds). – Amsterdam etc: Friedrich-Ebert-Stiftung etc, 2001. – 256 p.
- Party program of the Social Democratic Party. – Västerås, 2001. – 6 November. – 37 p. – Mode of access: http://www.socialdemokraterna.se/upload/Internationellt/Other%20Languages/party_program_english.pdf (Дата посещения: 06.07.2013.)
- Sassoon D.* One hundred years of socialism: The West European left in the twentieth century. – N.Y.: The New press, 1996. – xxv, 965 p.
- Stratton A.* Labour: Now it's kind of blue // The Guardian. – L., 2012. – 24 April. – Mode of access: <http://www.guardian.co.uk/politics/blog/2009/apr/24/blue-labour-conservative-socialism> (Дата посещения: 06.07.2013.)